

Глава 5

Тан Синь до ужаса боялся темноты.

Этот страх преследовал его с самого детства, и никакие усилия воли не помогали с ним справиться.

При хоть каком-то освещении он ещё мог держать себя в руках. Но в кромешной тьме цепенел — не в силах пошевелиться, не в силах дышать.

Первое задание — выбраться из первой комнаты-головоломки. Когда Тан Синь снимал повязку с глаз, руки у него чуть заметно дрожали.

«А вдруг там совсем темно?»

Но когда повязка упала и перед ним открылась комната — тусклая, но всё же освещённая, — он выдохнул. Мысленно от всего сердца поблагодарил создателей шоу.

И тут же за стеной раздался знакомый голос.

— Сяо Синь-эр, не бойся.

Тан Синь недовольно поморщился и, не удостоив Чэн Цзю ответом, принялся обшаривать комнату в поисках улик — благо хоть тусклый свет позволял это сделать.

Он успел найти первую улику и вскрыть кодовый замок на столе, когда за дверью вдруг лязгнул ключ.

Тан Синь замер. Лицо осталось непроницаемым — только сердце ёкнуло. Сработала ли какая-то ловушка?

— Сяо Синь-эр?

Дверь открылась, и на пороге появился высокий мужчина.

Тан Синь стоял посреди комнаты с раскрытым замком в руках, изображая невозмутимость. Чэн Цзю оглядел его, едва заметно улыбнулся уголками глаз и широкими шагами пересёк комнату.

— Ну что, напугался?

Тан Синь чуть отступил в сторону, уходя от его взгляда, и протянул замок.

— Чэн Цзю-гэ, это из моей комнаты. Внутри — карточка, на которой ничего не написано. Не понимаю, что это значит.

— Дай посмотрю.

Чэн Цзю взял карточку. Обе стороны и правда были чистыми.

Он окинул взглядом комнату и заметил кое-что странное. Да, он специально предупредил съёмочную группу: Тан Синь панически боится темноты, в обоих эпизодах — никакой крошечной темноты. Но источников света здесь было явно с избытком: бра на стенах, подвесные светильники, настольная лампа и ещё с полдюжины фонариков.

Чэн Цзю собрал все фонарики и принялся поочерёдно просвечивать карточку с разных сторон.

— О, здесь что-то есть! Чэн Цзю-гэ, смотрите! — Тан Синь ткнул пальцем в карточку.

— Угу. — Чэн Цзю вернул ему карточку. — Читай.

— «Никто не покинет это место, пока не найдёт воспоминание». — Тан Синь наморщил лоб. В такие игры он никогда не играл и, немного смущаясь, покосился на Чэн Цзю. — Чэн Цзю-гэ, что это вообще значит?

— Для начала — выяснить, кто жил в этой комнате.

— Поди разбери, — пробормотал Тан Синь.

— Хм-хм. — Чэн Цзю не сдержал смеха. — Сяо Синь-эр, ты видел камеры на полке справа и на стеллаже за спиной?

—...

Тан Синь торопливо оглянулся туда, куда указывал Чэн Цзю. На полке и на шкафу мигали красными огоньками небольшие скрытые камеры.

Щёки слегка надулись. Он метнул в Чэн Цзю короткий косой взгляд — и без лишних слов вернулся к поискам.

Опыта в шоу не было, вот и вышло. Он-то решил, что снимают его только операторы с большими камерами. Что в комнате ещё и скрытые — даже в голову не пришло.

Значит, все его гримасы уже в кадре.

Комната была небольшой, но обыскать её оказалось непросто: предметов много, половина — явные приманки, сбивающие с толку. Беглый осмотр почти ничего не дал. Единственное, что выходило сказать наверняка: здесь жил омега — в нижнем ящике шкафа прятались его супрессанты, в мусорной корзине лежали использованные инъекции.

Тут Тан Синь вспомнил: Чэн Цзю живёт в соседней комнате. И открыл дверь ключом.

— Чэн Цзю-гэ, загляни к себе — там могут быть связанные улики.

— Хорошо. — Чэн Цзю задержался на миг. — Не испугаешься один?

— Нет.

Чэн Цзю взъерошил мягкие пышные розовые волосы Тан Синь.

— Жди меня. Никуда не уходи.

Тан Синь потупился. Руку не отстранил, но и радости не выказал.

«Ласка для всех подряд мне не нужна. Никогда и не была нужна».

Тан Синь не ошибся: комнаты и правда были связаны.

Чэн Цзю принёс всё, что можно было вынести из своей, разложил рядом с уликами Тан Синь — и новая картина сложилась быстро.

Комната Тан Синь явно принадлежала омега: вещи, предметы быта — всё характерное. Комната Чэн Цзю — альфе: стандартный набор, вплоть до средств защиты.

В комнате альфы обнаружился ещё один кодовый замок. Открылся по коду из дневника — тот прятался под подушкой в комнате омега.

Внутри лежал другой дневник.

Записи в нём были леденящими.

Альфа оказался одержим — безумно, неотступно. Следил за омега, подстерегал в тени, фотографировал с самых разных ракурсов. Страница за страницей — строки о том, как сильно

влюблён, как не может жить без. И снимки. Много снимков.

Тан Синь прекрасно понимал: всё это реквизит, декорации. Но фотографии были сделаны так пугающе правдоподобно, что в памяти помимо воли всплыло кое-что из детства.

Чэн Цзю заметил, как изменился Тан Синь. Он забрал дневник, положил на стол и, продолжая листать страницы одной рукой, другой закрыл Тан Синь глаза.

Наклонился ближе и произнёс — тихо, только для них двоих:

— Не бойся. Я здесь.

При всей своей репутации покорителя сердец Чэн Цзю умел быть по-настоящему внимательным. Тонким. Нужным именно тогда, когда нужно.

И этот голос — бархатный, низкий, надёжный — действовал как-то иначе, чем всё остальное. Особенно сейчас, когда страх ещё не успел отпустить.

Тан Синь сам не понимал, как это получается.

Постепенно он успокоился. И только тогда осознал, в какой позе они стоят: Чэн Цзю почти обнимал его — рука закрывает глаза, плечо совсем рядом.

Если это попадёт в эфир — поклонницы Чэн Цзю его со свету сживут. А у него только что вышла первая роль. Хорошее начало карьеры — утонуть в скандале до премьеры.

Тан Синь поднял руку, чтобы отстраниться — и услышал спокойный голос Чэн Цзю:

— Не волнуйся. Этот кусок в монтаж не попадёт.

Имелось в виду, что он договорится с командой. Наверное.

— Спасибо. — Тан Синь был искренне благодарен, но всё равно мягко отстранился. — Чэн Цзю-гэ, я в порядке.

— Хорошо. Тогда дальнейшие улики беру на себя.

—... Спасибо за беспокойство.

Принять помощь Тан Синь был рад. Но шоу есть шоу — совсем устраниваться он не мог. Надо

было на что-то сгодиться.

Пока Чэн Цзю прорабатывал улики по дневнику, Тан Синь методично обыскивал обе комнаты.

История складывалась сама собой: альфа зашёл слишком далеко в своей одержимости — и похитил омега.

Их комнаты — это комнаты двух персонажей. Значит, следующая дверь — место, где всё произошло.

Только вот ключа к ней не было нигде.

— Сяо Синь-эр...

— Я здесь. — Услышав голос Чэн Цзю, Тан Синь вышел в коридор с двумя маленькими коробками в руках.

Чэн Цзю поморщился.

— Не пропадай так. Я не должен тебя искать.

— Прости. Я нашёл две коробки, но открыть не могу. — Тан Синь вытянул руки. На ладонях лежали две коробочки — каждая чуть больше ладони. — Чэн Цзю-гэ, что с ними делать?

Чэн Цзю мгновенно их узнал: эти коробки мелькали на одной из фотографий в дневнике.

— Подожди.

Он захлопнул дневник и передал Тан Синь.

Кодового замка нет. Ключа тоже. Значит, где-то они ещё что-то пропустили.

Продолжать у Чэн Цзю терпение было — но Тан Синь...

Он покосился на него. На лбу выступили бисеринки пота: вентиляция в комнатах плохая, а Тан Синь без остановки перебирал вещи в поисках улики. И в воздухе — совсем слабо, едва уловимо — уже начинало тянуть чем-то молочно-сладким.

Если ещё затянуть — неизвестно, чем это обернётся. Сам он, похоже, и не замечает, что с ним что-то происходит.

Тан Синь поймал взгляд Чэн Цзю.

— Что?

Голос — молодой, чуть хрипловатый от жажды и долгого молчания.

Красивое лицо. Намеренно холодное выражение, которое он, видимо, считает отпугивающим. Но не знает — или не хочет знать — что такой взгляд действует ровно наоборот: в альфе просыпается желание сломать эту стену.

Чэн Цзю отвёл глаза.

Тан Синь, может, и мог бы ещё держаться — но сколько именно, неизвестно. В прошлый раз его феромоны ударили не слабо.

И стоило представить, что сделает Тан Линь, если он к Тан Синь прикоснется, — голова начинала болеть.

— Ничего. Коробки не открываются?

— Да.

— Угу.

Чэн Цзю подцепил обе коробки указательными пальцами снизу. Гладкий бок вспыхнул тонкой полосой света, и над крышкой развернулся полупрозрачный голубоватый экран.

Два касания — коробки раскрылись по центральному шву.

—...Что? — Тан Синь уставился на него.

— Разработка нашей компании. — Чэн Цзю пояснил невозмутимо. — Снизу есть кнопка сброса. Вводишь код — принудительный возврат в исходное состояние.

—... — Тан Синь опомнился и уставился на него уже совсем иначе. — Чэн Цзю-гэ, это же читерство!

— Хм. Встроенный навык — создатели шоу возражать не станут.

Эти коробки были разработаны Технологиями Чэн. Чэн Цзю знал их устройство вдоль и

поперёк — всё-таки его собственная компания.

Внутри каждой — кристалл памяти. Один принадлежал омега, другой альфе.

В памяти омега — только страх. Чьё-то незримое присутствие. Слежка. Ощущение чужого взгляда из темноты.

В памяти альфы — ни тени понимания, что его действия давно стали преступлением. Только упоение. Каждый снимок, каждое мгновение рядом с объектом одержимости.

Когда воспоминания закончились, в дальнем конце коридора ярко вспыхнул свет. Стена, прежде наглухо закрывавшая проход, ушла в сторону, открыв дверь.

Чэн Цзю шагнул вперёд, заслонив Тан Синь, и протянул руку назад.

— Сяо Синь-эр, держись за меня.

Тан Синь мельком взглянул на протянутую руку.

— Не нужно, — недовольно бросил он. — Идите, я за вами.

— Ну-ну, — хмыкнул Чэн Цзю, убирая руку в карман.

За дверью всё было красным.

Поддельная кровь на стенах — тёмно-бурые потёки, пятна, брызги. Жутко. По-настоящему жутко.

Тот, кто ещё секунду назад гордо отказался от руки, в следующую вцепился в рукав Чэн Цзю обеими руками, всем телом прижался к нему — и дрожащим голосом, почти в полный голос:

— Пожалуйста, не гасите свет! Пожалуйста, не гасите свет! Мне немного страшно!

— Ха-ха-ха... — засмеялся Чэн Цзю. — «Немного»? Это очень страшно, и ты прекрасно знаешь. Вот именно поэтому я и предлагал тебя вести.